

Мои воспоминанія о первыхъ дняхъ служенія въ Алтайской Духовной Миссіи бывшаго Начальника ея о. Архимандрита Владиміра, впослѣдствіи Архіепископа Казанскаго.

Анастасій Григорьевичъ Мальковъ, взявши на себя роль попечителя Алтайской Духовной Миссіи, вездѣ проповѣдывалъ что съ устройствомъ мужскаго монастыря въ Алтаѣ и назначеніемъ новаго Начальника миссіи, семейные миссіонеры будутъ замѣнены лицами монашествующими.

Въ концѣ 1865 года стало извѣстно въ миссіи, что Начальникомъ къ намъ назначенъ Инспекторъ С. Петербургской Духоваой академіи Архимандритъ Владиміръ, и что въ Петербургѣ образовалось миссіонерское общество.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ изъ новаго миссіонерскаго общества получено было въ Миссіи сколько то денегъ (забылъ), при чемъ приказано деньги раздать бѣднымъ и представить росписки въ 2-хъ экземплярахъ немедленно.

Прочитавъ бумагу совѣта этого общества о. Стефанъ (Дандышевъ) сказалъ: «не будетъ толку изъ этого совѣта, а Миссіи онъ надѣляетъ непріятностей много. Я вижу какимъ тономъ онъ говоритъ».

Слова эти оправдались вскорѣ на дѣлѣ. О. Архимандриту Владиміру этотъ Совѣтъ надѣлалъ много хлопотъ и непріятностей, а за тѣмъ и самое Петербургское общество закрылось.

Въ Миссіи стали готовиться ко встрѣчѣ новаго начальника. Всѣ думали, что въ миссіи пойдетъ дѣло на новыхъ началахъ. Выходить же изъ миссіи никто не думалъ, и самъ о. Стефанъ смотрѣлъ равнодушно на ожидаемыя перемѣны. Всѣ говорили: посмотримъ, что будетъ, потому что не чувствовали за собой никакой вины.

О. Стефанъ, какъ начальникъ миссіи, за все время своего управленія составилъ денежный отчетъ и напечаталъ его. „Пусть провѣряютъ меня, какъ угодно, говорилъ онъ,—пусть дѣлаютъ справки и на почтѣ и гдѣ вздумается, я знаю, что я правъ. Говорить все могли и вездѣ разблаговѣстили, что я воръ; пусть на дѣлѣ докажутъ это. Я не боюсь ревизіи“.

Мальковъ, какъ попечитель миссіи, то и дѣло ѣздилъ изъ Алтая въ Петербургъ, и изъ Петербурга въ Алтай. Задавшися мыслию передѣлать миссію поновому, онъ не брезговалъ никакими средствами. И ложь и клевета у него шли въ дѣло, благо всему этому въ Петербургѣ вѣрили. Чтобы еще больше запасть разными кляузами въ Алтай, Мальковъ, какъ какой либо ревизоръ, ѣздилъ по станамъ миссіи, описывалъ всѣ миссіонерскія заведенія, наводилъ справки, помогаютъ ли миссіонеры новокрещеннымъ, нѣтъ ли какихъ обидъ отъ миссіонеровъ, осматривалъ новокрещенскіе дома, справлялся о хозяйствѣ инородцевъ, спрашивавъ у новокрещенныхъ, знаютъ ли они молитвы, заставлялъ инородцевъ читать ихъ. Послѣ такого обзора становъ Миссіи, попечитель нашъ отправлялся въ Петербургъ съ цѣлымъ коробомъ всякихъ вляузъ и представлялъ ихъ какъ самые вѣрные факты, добытые имъ личнымъ дознаніемъ и наблюденіемъ на мѣстѣ.

Въ миссіи только удивлялись беззатѣнчивости Малькова. О Стефанъ сразу разгадалъ его; онъ прямо сказалъ: „и надѣлаетъ же зла этотъ человѣкъ! Придетъ время, поймутъ это, но будетъ поздно“.

Слова эти скоро сбылись.

Мальковъ указалъ мѣсто для мужскаго монастыря на Чолышманѣ, какъ самое удобное и центральное. Составлена и напечатана была карта Алтая, гдѣ Чолышманъ поставленъ въ центрѣ. О. Стефанъ, въ видахъ возстановленіе истины заявилъ, что Чолышманъ вовсе не центральное мѣсто, для монастыря миссіонерскаго вовсе не пригодное по своей недоступности, находясь за Телецкимъ озеромъ. Но на это заявленіе посмотрѣли въ Петербургѣ какъ на уловку Начальника миссіи затащить дѣло.

1866 года 24 марта передъ Пасхой, помнится, въ четвергъ, пріѣхалъ въ Улалу новый начальникъ миссіи, о. Архимандритъ Владиміръ. Мы встрѣтили его со звономъ въ церкви, какъ Архіерея. О. Архимандритъ обратился къ намъ съ рѣчью, со слезами на глазахъ во имя любви Христовой просилъ, чтобы мы приняли его съ любовью. Помѣстился новый начальникъ въ училищномъ корпусѣ.

На службу въ миссію прибыли вмѣстѣ съ начальникомъ: изъ Саровской пустыни Іеромонахъ Платонъ, изъ Оптиной пустыни іеродіаконъ Варсонофій и послушникъ Евдокимъ О. Архимандритъ привезъ съ собою двухъ студентовъ С. Петербургской академіи: Ивана Вас. Солодчина и Петра Ив. Макушина и фельдшера А. Д. Воинова. Пріѣхалъ вмѣстѣ съ ними и Аѳ. Гр. Мальковъ.

Послѣ встрѣчи въ церкви о. Архимандритъ пригласилъ всѣхъ служащихъ къ себѣ въ квартиру, гдѣ принялъ насъ очень ласково. Мнѣ за труды по писмоводству новый начальникъ еще въ Томскѣ выхлопоталъ прибавку къ жалованью 36 рублей въ годъ. Съ перваго же раза можно было видѣть, что о. Архимандритъ Владиміръ не таковъ какимъ мы его представляли себѣ, и что онъ пріѣхалъ въ миссію не съ тѣмъ, чтобы разогнать семейныхъ миссіонеровъ, какъ проповѣдывалъ намъ Мальковъ, а скорѣе чтобы установить миръ въ миссіи. Мальковъ же, въ это время говорилъ: „вотъ теперь мы поведемъ дѣло по своему“. Архимандритъ только поморщился.

На Пасхѣ о. Архимандритъ поболѣзни не могъ служить. Служить началъ онъ съ Оминой недѣли. За всякой службой онъ говорилъ проповѣди. Даръ слова у него былъ прекрасный.

Какъ только земля просохла и явилась возможность ѣхать, Начальникъ нашъ отправился по Алтаю для обозрѣнія ближайшихъ къ Улалѣ миссіонерскихъ становъ Чемальскаго и Мыютинскаго. Я, какъ діаконь и письмоводитель, долженъ былъ сопровождать о. Архимандрита. А. Г. Мальковъ зачѣмъ-то поѣхалъ въ Чемаль вмѣстѣ съ нами. Былъ въ свитѣ о. Архимандрита и фельдшеръ, чтобы оказывать помощь больнымъ. Встрѣчали Начальника нашего, какъ Архіерея, со звономъ. Въ Чемаль, одна новокрещенка принесла больнаго ребенка и просила лекарства. Мальковъ съ насмѣшкою сказалъ ей: „какое тебѣ лекарство; иди къ Архимандриту, онъ исцѣлитъ ребенка. Апостолы вѣдь исцѣляли людей“.

Эта выходка Малькова сильно неоправилась о. Архимандриту и способствовала большому разладу съ нимъ.

Въ Мыютинскомъ отдѣленіи о. Архимандритъ основалъ новую деревню на р. Унгурлѣ.

Эти осмотрѣнные станы произвели на о. Архимандрита доброе впечатлѣніе. Какъ миссіонеры, такъ и новокрещенные понравились нашему Начальнику.

О. Архимандриту желательно было знать, что дѣлается въ каждомъ станѣ. По этому, возвратившись въ Улалу, онъ потребовалъ отъ миссіонеровъ, чтобы они ежемѣсячно доставляли ему свѣдѣнія, что было сдѣлано ими за истекшій мѣсяць. Черезъ эту мѣру Начальникъ нашъ зналъ, что дѣлается во всей миссіи.

Ежемѣсячныя свѣдѣнія доставлялись исправно, ибо въ то время каждому миссіонеру, по распоряженію начальства, давался для служебныхъ посылокъ сотникъ.

1-го іюля новый начальникъ поѣхалъ на Чолышманъ. Съ нимъ поѣхали всѣ съ нимъ пріѣхавшіе въ Миссію; поѣхалъ и Мальковъ. Въ эту поѣздку взять былъ и я.

Мальковъ увѣрилъ о. Архимандрита Владиміра, что Чолышманскій монастырь стоитъ въ центрѣ Алтая, что дороги туда прекрасныя. Въ Петербургѣ Малькову во всемъ вѣрили, теперь пришлось испытать на сколько справедливы были рассказы Малькова.

Удобство сообщенія съ новоизобрѣтеннымъ центромъ Миссиі сказалося съ перваго шага. Отъ самой Улалы пришлось ѣхать верхомъ; иначе нельзя, за неимѣніемъ дорогъ. До Кебезени доѣхали мы съ различными неизбѣжными дорожными приключеніями. и навалились въ грязи и накупались при переѣздахъ черезъ рѣки. Для новыхъ людей особенно утомительною показалась дорога такъ называемою чернью, гдѣ въ лѣтнее время приходится ѣхать самымъ тихимъ шагомъ, по грязнѣйшей дорогѣ, изъ ямы въ яму, изъ ступы въ ступу, по колѣно въ грязи, а то и выше. Насладившись вдоволь пріятностію такого путешествія, нашъ Начальникъ воочию увидѣлъ свою ошибку, и чѣмъ дальше ѣхалъ, тѣмъ лице его становилось все пасмурнѣй. А тутъ еще удовольствіе: на Телецкомъ озерѣ насъ такъ стало качать, что думали, и съ жизнью надо проститься. Съ величайшимъ трудомъ добились мы до какой-то скалы, имѣющей небольшой бережокъ. Дождь, лилъ какъ изъ ведра, и вѣтеръ дулъ холодный. Попробовали добыть огня, но намокшій лѣсъ не горѣлъ. Съ трудомъ поставили палатку и обогрѣлись спиртомъ, бывшимъ въ запасѣ у А. Г. Малькова.

Зная изъ опыта, что значить путешествіе по черни и по Телецкому озеру, я купилъ дубленую кожу и сочинилъ себѣ плащъ безъ рукавовъ. Отъ дождей и вѣтра эта кожа предохраняла меня отлично. Шубу мнѣ далъ въ Кебезени нѣкто Анемподистъ Алексѣевичъ Суслоновъ. Безъ этихъ одеждъ можно было потерять здоровье навсегда.

Бурная погода заставила насъ почевать на этой скалѣ. Тутъ не выдержавъ о. Архимандритъ, сказалъ: „ну и удобное сообщеніе съ центромъ Миссиі!“

На это замѣчаніе А. Г. Мальковъ имѣлъ дерзость отвѣтить: „да, вамъ бы все въ каретѣ ѣздить; вотъ тутъ то и апостольскіе труды!“

Лице о. Архимандрита омрачилось еще болѣе. Видно было, что въ душѣ онъ страдалъ, но все еще переносилъ свои страданія.

На другой день погода была ясная, и мы весело поплыли дальше. На устьѣ р. Колши я наловилъ удочкой рыбы, изъ ко-

торой приготовили отличный обѣдъ. Часа въ четыре по полудни мы высадились на берегъ Чолышмана. До монастыря оставалось не больше семи верстъ, но добратся до него скоро было нельзя: сначала шли пѣшкомъ-же по какимъ-то кочкамъ и болотамъ, а потомъ карабкались черезъ какую-то гору. Было темно, когда мы наконецъ добрались до центра миссіи.

Весь монастырь, построенный верстахъ въ 7-ми отъ устья р. Чолышмана, состоялъ изъ одного дома, въ которомъ должна была помѣщаться вся братія; въ этомъ же домѣ одна комната обращена была въ церковь. Отъ этаго дома, саженьхъ въ 100 построенъ былъ другой домъ, подъ именемъ скотнаго двора.

Еще зимою въ монастырь этотъ отправлено было множество разной провизіи, между прочимъ отослано было много холста пла-тковъ, обуви, два воза иконъ для раздачи новокрещеннымъ и одинъ 6-ти четвертовой ящикъ роговыхъ гребней. Однимъ словомъ: всѣ пожертвованія вещами были отправлены Мальковымъ и Петербургскимъ Совѣтомъ въ Чолышманскій монастырь, какъ центральный пунктъ миссіи.

На другой день о. Архимандритъ пригласилъ братію монастыря на молебенъ. По окончаніи молебна, онъ обратился къ братіи съ слѣдующимъ рѣчью: „Монастырь нашъ, смотрѣніемъ Божиимъ, называется Благовѣщенскимъ. Сама Матерь Божія избрала это мѣсто въ жилище Себѣ. Отсюда долженъ сіять свѣтъ Христовъ на весь Алтай и сопредѣльную Монголію. Здѣсь главная резиденція, откуда должны выходить, приготовившись постомъ и молитвою, самоотверженные благовѣстники для просвѣщенія темныхъ людей. Не связанные житейскими попеченіями, они должны дѣлать свое дѣло только во славу Божию; они должны утѣшаться мыслию, что за нихъ, вышедшихъ на ниву Божию, будетъ возноситься здѣсь непрестанная молитва, которая будетъ ихъ поддерживать при неизбѣжныхъ трудахъ и опасностяхъ“... и проч. въ этомъ родѣ.

Про Чолышманъ Мальковъ сказывалъ, что это—страна, изобилующая рыбою и всякими угодіями. Мальковъ, въ концѣ концовъ долгался до того, что говорилъ о. Архимандриту Влади-

міру въ Петербургѣ: „тамъ растетъ какая то ягода, ровно виноградъ“. На самомъ же дѣлѣ оказалось совершенно противное; къ прїѣзду Настоятеля и то не могли приготовить рыбы. Когда намъ наскучило сухояденье, о. Архимандритъ предложилъ братіи половить рыбки неводомъ. Неводъ былъ въ монастырѣ 35 сажень въ длину; цѣлую версту мы проневодили подрядъ и добыли... полведра чебаковъ. Вотъ и обиліе рыбы!.. Рыба есть, — это безспорно, но не во всякое время ловится. Нужда заставила меня взяться за свою удочку и я каждый день въ Ажилбапѣ добывалъ столько рыбы, что ею питалась вся монастырская братія.

Болѣе недѣли прожили мы въ Чолышманскомъ монастырѣ. Начальникъ нашъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждался, что онъ обманутъ былъ Мальковымъ по всѣмъ пунктамъ. Къ концу нашего пребыванія въ Чолышманѣ, Начальникъ, лично ознакомившись съ мѣстностію и людьми, все болѣе и болѣе расходился съ Мальковымъ.

Оставивши въ монастырѣ прибывшихъ съ нами монаховъ, кромѣ о. Макарія, мы поѣхали на Чую сначала долиною р. Чолышмана. Противъ устья р. Чольчи (30 вер. отъ монастыря) была остановка. Прїѣхалъ сотникъ съ почтою. О. Архимандриту нужно было отвѣчать на казенную и частную корреспонденцію. Письменнымъ столомъ служилъ огромный гладкій камень.

Въ Улаганѣ я въ первый разъ увидалъ, какъ мѣстные инородцы колютъ барановъ. Шею и горло они не рѣжутъ, а дѣлаютъ у живой скотины небольшой разрѣзъ на брюхѣ, затѣмъ рукою вырываютъ сердце.

Башкаускіе жители народъ добрый, но дикій; кромѣ двухъ или трехъ торгашей они людей постороннихъ не видятъ; русскихъ людей боятся. И лошади ихъ боятся русскаго человѣка; станешь къ лошади подходить, она вся дрожитъ и фыркаетъ, точно какъ бы звѣря какого чуетъ. Это, конечно, зависитъ отъ того, что одежда русскаго человѣка не пропитана специфическимъ запахомъ алтайской юрты.

Въ вершинахъ Башкауса стали понадаться на дорогѣ кочкорьи рога. Нѣкоторые изъ нихъ такъ велики, что одинъ рогъ вѣсилъ

22 фунта. У живаго кочкора, надо полагать, голова вѣситъ около двухъ пудовъ. Чѣмъ выше поднимались мы, тѣмъ просторнѣе становились равнины между горъ. Приходилось ѣхать такими, что цѣлыя десятки сплошь поросли лукомъ разныхъ породъ; попадались и березовыя рощи, ростомъ вершковъ въ 6—10. Нѣкоторыя березы состарились и засохли, и все таки остались карликами (въ палецъ толщиною). По дорогѣ попадались и озера. Маленькія озерки растаяли, а на большихъ еще стоялъ крѣпкій ледъ, по которому мы свободно проѣхали для сокращенія пути. И это въ половинѣ іюня мѣсяца! Птицы, кромѣ варнавокъ, по алтайски ангаровъ, я не видалъ никакой. Эти варнавки изъ породы утокъ, съ желтымъ опереніемъ, ростомъ немного болѣе домашней утки. Алтайцы не бьютъ этихъ птицъ: проклянутъ! говорятъ они.

На самомъ Башкаусскомъ перевозѣ получена была записка отъ о. Смарагда. Одному изъ насъ онъ писалъ. „Я на Чуѣ, въ кожанѣ, сижу въ палаткѣ и окуриваюсь постоянно дымомъ. Уготовь плоть и кровь свою на съѣденіе комарамъ, отъ которыхъ здѣсь житья нѣтъ“.

По дорогѣ, гдѣ мы ѣхали, нѣтъ ни одной юрты, да и жить здѣсь невозможно. Іюнь мѣсяць, а тутъ приходится ѣхать мѣстами по нерастаявшему еще снѣгу; трава еще не начинала расти, весна здѣсь только начинается. О. Архимандритъ Владиміръ, смотря на эти мѣста, сказалъ: „по штату теперь вѣдь лѣто, а мы ѣдетъ весною. Двѣ весны въ одномъ году мы переживаемъ“.

По мѣрѣ того, какъ мы стали спускаться въ бассейнъ р. Чуи, растительность пошла все лучше и лучше; лиственницы здѣсь съ ровнымъ стволомъ, а не рѣдкообразнымъ, какъ подъ вершинами, березникъ вышиною аршина въ 4 и больше. Наконецъ показалась долина р. Чуи. Во всемъ Алтаѣ—это самая обширная долина. О. Архимандритъ, когда взглянулъ на эту долину остановился и долго любовался роскошнымъ видомъ этой долины. „Точь вточь Іорданскіе виды! сказалъ онъ.“

Проезжая долиною р. Чуи мы встрѣчали стада верблюдовъ и сарлыковъ. Все тутъ не такъ: ничего нѣтъ похожаго на Русь.

Самый тальникъ и тотъ не походитъ на нашъ тальникъ, а земля мѣстами желтая, мѣстами сѣрая.

Предостереженіе о. Смарогда оправдалась. День былъ жаркій, когда мы пріѣхали въ Кожагачъ, и комары порядкомъ насъ помучили.

Въ Кожагачской церкви мы служили. За неимѣніемъ колоколовъ, одинъ плотникъ производилъ благовѣсть въ маховую пилу. Этотъ искусникъ даже изобразилъ на этомъ инструментѣ звонъ во вся тяжкая, когда о. Архимандритъ шелъ изъ своей палатки въ церковь.

На Чуѣ въ то время жили инородцы двоеданцы, т. е. платившіе подать и Русскому и Китайскому Правительству. Теперь они принадлежатъ только Россіи.

Послѣ службы къ о. Архимандриту явились чуйскіе зайсаны, димичи и ботки. На груди зайсана Чичкана была медаль, какъ оказалось, данная Императоромъ Павломъ 1-мъ зайсану Чуйской волости, дѣду теперешняго зайсана Чичкана. У другого Зайсана-Мапдая прицѣплена была сабля подарокъ тогоже Государя дѣду Мапдая. О. Архимандритъ всѣхъ этихъ гостей очень радушно принялъ, угостилъ ихъ чаемъ и отпустилъ съ миромъ. Инородцы были въ восторгѣ отъ такого приѣма.

На Чуйской долинь много озеръ, въ которыхъ очень много рыбы, только рыба эта почему то считается вредною. Названіе этой рыбы—астанъ, изъ породы хищныхъ, похожа она на щуку.

Съ Кош-Агача поѣхали мы на китайскій карауль-Юстышъ. Отъ Кожагача это мѣсто будетъ верстахъ въ 60 на востокъ. Дорога—степь, ни одной горки. Въ Юстышѣ мы заходили въ юрты китайскихъ солдатъ. Всѣхъ юртъ—4, солдатъ—человѣкъ 20. Это грозное воинство вооружено луками. Какою древностію высматривали эти солдаты, какъ обмундировкою, такъ и вооруженіемъ! Такъ и казалось, что видишь людей, жившихъ еще до Рождества Христова.

Не смотря на то, что около юртъ китайскихъ солдатъ растетъ довольно лѣсу, воины небесной имперіи для отопленія сво-

ихъ жилищъ и приготовленія пищи употребляютъ вмѣсто дровъ кезекъ. Вотъ что значить привычка!

Надъ юртами, какъ мнѣ показалось сначала, устроены вертушки, а оказалось, что это молитвенныя машинки. На крыльяхъ вертушки написаны китайскія молитвы. Вѣтеръ дуетъ, вертушка вертится съ этими молитвами, а простодушные монгольцы думаютъ, что они этимъ способомъ непрестанно молятся, даже и тогда, когда сами спятъ. Болѣе усердные и религіозные монголы въ добавокъ къ вѣтреннымъ молитвеннымъ машинкамъ имѣютъ ихъ еще въ юртахъ, но другого устройства. Въ этихъ же юртахъ мы видѣли и эти машинки. Онѣ походятъ на центробѣжку, употребляемую пчеловодами для отдѣленія меда отъ сотовъ. Вся машинка исписана молитвами. Монголецъ сидитъ, разговариваетъ съ кѣмъ либо, и въ тоже время поворачиваетъ машинку, въ полномъ убѣжденіи, что она молится за него, даже впередъ замаливаетъ.

На Юстышѣ мы ночевали въ палаткахъ. Ночью чувствую, что, что то придавило меня. Оказалось, что выпалъ снѣгъ и чуть не изорвалъ своею тяжестью нашу палатку. И это было 24 іюня! Снѣгу выпало въ долину болѣе полъ-аршина. О. Архимандритъ вздумалъ отслужить здѣсь молебенъ съ водоосвященіемъ. Чтобы было удобнѣе стоять, пришлось снѣгъ разгрести и очистить мѣсто.

Чтобы обозрѣть болѣе мѣста въ Алтаѣ, о. Архимандритъ поѣхалъ съ Чуи не тою дорогою, какою мы пріѣхали сюда, а черезъ Курай и Кубадру. На этомъ пути, отъ самой Чуи до Башкауса, нѣтъ ни одного жилья.

Башкаусъ мы переѣхали верхомъ на лошадяхъ. А такъ какъ бродъ былъ и глубокъ и широкъ, то нѣкоторые изъ насъ раздѣвались, а другіе, хотя намокли, переѣхали не снимая одежды.

Удивлялся я неустойчивости о. Архимандрита. Во все время путешествія, въ 4 часа утра онъ былъ на конѣ, въ 11 часовъ чай, а если случится рыба, то варили уху. Вечеромъ, часовъ въ 10 общая молитва, въ 11 ложились спать. Такой порядокъ ни разу не нарушался. О. Архимандритъ былъ въ то время молодъ и крѣпокъ, на коняхъ ѣздилъ очень бойко и какъ будто не чувствовалъ утомленія.

Въ Улаганѣ (на устьѣ этой рѣки) мы съѣли послѣдніе сухари. Осталась самая малость сухарныхъ крошекъ. Въ вершинѣ Улагана мы сварили уху и для экономіи насыпали въ нее этой су-харной муки. Когда стали ѣсть, о. Архимандритъ смѣясь замѣ-тилъ: «самъ французъ затруднится дать названіе этому кушанью».

Въ числѣ дорожныхъ запасовъ былъ взятъ къ чаю наколотый сахаръ. Отъ продолжительной тряски онъ обратился въ муку, и потерялъ свой сладкій вкусъ.

8 іюля мы возвратились въ Улалу. Отъ продолжительнаго дождя образовались на дорогѣ глубокія лужи. Подъѣзжая къ самой Улалѣ, и переѣзжая большую лужу, я сказалъ о. Архи-андриту: тысячу верстъ проѣхалъ я на конѣ и не... Не успѣлъ я выговорить слово «не упалъ», лошадь споткнулась, и я мгновенно очутился лежащимъ въ лужѣ. О. Архимандритъ отъ души смѣялся надъ этимъ, а мнѣ въ назиданіе замѣтилъ: впередъ, братъ, не хвались.

Возвратившись въ Улалу, о. Архимандритъ окончательно убѣ-дился, что Чолышманскій Монастырь, по своей недоступности, рѣшительно не можетъ быть центромъ нашей миссіи. Съ этого времени о. Архимандритъ окончательно разошелся съ Мальковымъ.

Аѳ. Г. Мальковъ понялъ наконецъ, что новый начальникъ миссіи еще больше стараго начальника не сочувствуетъ его тор-гашескимъ цѣлямъ, не хочетъ подчиняться попечителю миссіи, какимъ считалъ себя Мальковъ, требуя даже, чтобы всѣ суммы миссіи были въ его Мальковскомъ распоряженіи. И полетѣли на Архимандрита разныя кляузы въ Петербургскій совѣтъ миссіонер-скаго общества. Малькову тамъ вѣрили во всемъ, и теперь повѣрили.

Оправдались слова, сказанныя о. Стефаномъ касательно Маль-кова: «и надѣлаетъ же зла миссіи этотъ человѣкъ. Послѣ пой-мутъ его, но будетъ поздно».

Какъ было сказано, такъ и случилось.

Но не будемъ забѣгать впередъ событій.

11 августа начальникъ миссіи поѣхалъ опять по Алтаю. Въ с. Алтайскомъ засѣдатель посовѣтовалъ о. Архимандриту взять кучера на всю поѣздку, потому что калмыки не умѣютъ ни за-

пречь, ни править лошадьми, если они въ упряжи. Взять былъ инородецъ изъ Сарасы Капитонъ Старковъ, человекъ, хорошо знающій Алтай и опытный наѣздникъ

13-го прибыли въ Черный Ануи. 14 и 15 служили обѣдни.

17-го въ Абаѣ. Цѣлые сутки шелъ дождь.

18-го не смотря на непогодь поѣхали въ Онгудай. 21-го служба.

23 августа въ мыютѣ, 24 въ Чемалѣ, 25 въ Улалѣ.

Получено было извѣстіе, что инородцы, живущіе по р. Чопошу, желаютъ креститься.

Осмотрѣвши станы миссіи, о. Архимандритъ порѣшилъ, чтобы въ церквахъ миссіи была продажа свѣчей, а имущество миссіи по станамъ записать въ опись, для чего и выданы были миссіонерамъ книги.

7 сентября о. Архимандритъ вмѣстѣ со мною поѣхалъ въ Барнаулъ. Ѣхали на перекладныхъ. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, поэтому рѣшили ночевать въ д. Сросткахъ. Остановились на квартирѣ у кр. П. Гусельникова. За день передъ нами на этой же квартирѣ ночевалъ А. Г. Мальковъ, уѣхавшій въ Петербургъ. Для ночлега намъ отвели комнату. Послѣ ужина я зачѣмъ то вышелъ въ другую смежную комнату. Первымъ предметомъ, бросившимся мнѣ въ глаза, была бумага, лежащая на полу у угольного стола. Развертываю, вижу, писана рукою Малькова; читаю... и что же написано? Расходы произведенные Мальковымъ по устройству мужскаго монастыря и женской общины. Читаю, и глазамъ своимъ не вѣрю: тутъ написано: 2 тыс. руб. на желѣзо, 2 тыс. руб. за постройку и пр. въ этомъ родѣ. Писана бумага для того, чтобы по ней получить деньги съ Петербургскаго совѣта миссіонерскаго общества. Несу и показываю свою находку о. Архимандриту.

Да вѣдь желѣза на 2 тыс. рублей пожертвовалъ А. О. Морозовъ, а эти 2 тыс. рублей — Сергѣй Петровичъ Петровъ, сказалъ о. Архимандритъ.

Стали читать дальше и оказалось что вся бумага набита фиктивными расходами.

Твоя находка дороже золота, — сказалъ о. Архимандритъ. И дѣйствительно, эта бумага впоследствии много пособила началъ

нику нашему, когда нужно было разъяснить дѣятельность Малькова на Алтаѣ.

Пріѣхали въ Барнаулъ; нужно было начинать дѣло о самовольномъ заселеніи раскольниковъ на устьѣ р. Чоноша и о выдвореніи ихъ оттуда. По дѣлу необходимо быть у начальника заводовъ и въ горномъ правленіи. Только теперь о. Архимандритъ догадался, что на немъ дорожные сапоги, а другихъ сапоговъ нѣтъ со собою.

Вѣдь мы съ тобой пріѣхали въ городъ, — сказалъ мнѣ о. Архимандритъ, здѣсь требуется соблюдать приличія, а у меня, видишь, какіе сапоги! они только въ Алтаѣ хороши. Сходи, купи мнѣ сапоги съ калошами. Дорогіе не надо; мы живемъ въ деревнѣ.

Сапоги были куплены.

Горное начальство сочувственно отнеслось къ просьбѣ нашего начальника; дѣло, о которомъ хлопоталъ о. Архимандритъ было кончено въ благопріятномъ для миссіи смыслѣ.

23 сентября мы были уже въ Чоношѣ. Сначала мы жили въ палаткахъ. Погода была ненастная: то дождь, то снѣгъ, а въ особенности донималъ насъ холодный вѣтеръ. А тутъ еще питаніе самое скудное: чай и сухари, и больше ничего. И померзли же мы, и поголодали! Холодъ наконецъ такъ насъ донялъ, что мы рѣшились перейти на жительство въ юрты. Какъ хорошо мы почувствовали себя, когда перешли въ новое помѣщеніе: сразу всѣ повеселѣли. Послѣ палатокъ юрты эти показались намъ въ это время дороже всякаго дворца. Къ довершенію нашего удовольствія изъ Чемала одинъ инородецъ привезъ намъ болѣе питательную провизію, а изъ д. Еликманара привезли для монашествующихъ рыбы и качанъ капусты. Сварили мы щи, и они показались намъ такъ хороши, какихъ мы никогда не ѣдали.

Въ Чоношѣ о. Архимандритъ крестилъ 47 человекъ алтайцевъ. Какъ онъ радовался по этому случаю!

30 сентября мы всѣ воротились домой, въ Улалу.

О. Архимандритъ всею душою отдался миссіонерскому дѣлу. Въ постоянныхъ хлопотахъ онъ забылъ совершенно объ А. Г. Мальковѣ, который между тѣмъ дѣламъ свое дѣло — писалъ кля-

узу за кляузой. Мало того, онъ въ Алтаѣ нашелъ себѣ помощниковъ, которые писали ему всякія небылицы, а онъ представлялъ ихъ въ совѣтъ миссіонерскаго общества. Въ Петербургѣ Малькову вѣрили, а на о. Архимандрита стали смотрѣть съ недовѣріемъ, а потомъ стали писать ему оскорбительныя письма.

Какъ письмоводитель миссіи, я постоянно находился возлѣ о. Архимандрита. Во всеѣ его поѣздки, куда бы то ни было, я находился при немъ и работалъ съ нимъ полтора года. Въ семь часовъ утра начиналась работа, въ 12 часовъ обѣдъ, послѣ обѣда до 11 часовъ ночи опять работа. И такъ каждый день. Удивлялся я, когда о. Архимандритъ спитъ. Случалось нерѣдко почевать съ нимъ въ одной комнатѣ. Часовъ въ 12 ляжешь спать, Архимандритъ сидитъ еще; проснешься часа въ 3—онъ, лежа, читаетъ.

— Вы чтоже не спите?—спросишь.

„Пробовалъ, да ничего не вышло“.

Встанешь часовъ въ шесть утра—Архимандритъ уже за работою.

Подъ праздники о. Архимандритъ никогда не спалъ, между тѣмъ придетъ въ церковь совершенно бодрымъ. Служилъ онъ превосходно. За его служеніемъ всегда была полна церковь молящихся. Почти за всякой службы, во время пресуществленія св. даровъ у о. Архимандрита всегда на глазахъ были слезы. Не смотря на духоту въ церкви, жару такую, что не только рубашки, а и подрясникъ отъ пота сдѣлается мокрымъ, о. Архимандритъ всегда говорилъ поученія, продолжавшіяся иногда болѣе часа. Поученія его всегда были интересны, и не смотря на утомленіе, выслушивались съ великимъ удовольствіемъ. Жаль, что не было времени записывать эти поученія.

Только крѣпкая натура о. Архимандрита могла выносить такой порядокъ жизни.

И на голову этого-то орла, какъ называли у насъ о. Архимандрита, бывшіе его Петербургскіе пріятеля вылили цѣлый ушатъ помой, и заставили его цѣлыхъ 18 лѣтъ нести тяжелую ношу трудовъ и скорбей на Алтаѣ. Своимъ безпристрастіемъ, ласковымъ

и искреннимъ обращеніемъ о. Архим. Владимірѣмъ стяжалъ себѣ довѣріе и любовь Алтайскихъ миссіонеровъ. Всѣ точно ободрились и заработали съ особенной энергіей. Въ 1866 году было окрещено язычниковъ 552 человекъ. Съ самаго основанія миссіи такое большое число язычниковъ крещено въ первый разъ. О. Архимандритъ окрестилъ 85 человекъ.

Въ 1867 году, по представленію Начальника миссіи, меня рукоположили во священника въ Мыютинскій станъ миссіи. Послѣ обѣда о. Архимандритъ поздравилъ меня съ принятіемъ благодати священства, пожелалъ всего лучшаго, а затѣмъ добавилъ: „Священникъ какъ глиняный горшокъ. Пока горшокъ цѣлъ, онъ въ чести, а разбился, его выбрасываютъ, какъ негодную вещь. Помни, братъ, это; постарайся быть цѣлымъ во всю жизнь“.

Здѣсь кончаю свои воспоминанія о Преосвященнѣйшемъ Владимірѣ, хоть слѣдовало бы еще продолжать. Самъ вижу, что написано мало, и такъ, что не видно изъ этого писанья всего величія незабвеннаго Владиміра. Не пусть напишутъ объ этомъ дѣятель люди, болѣе къ тому способные. Объ этомъ человекѣ есть что написать, тѣмъ болѣе, что дѣятельность его на пользу нашей миссіи годъ отъ году дѣлалась плодотворнѣе.

Мыютинскій миссіонеръ, Протоіерей Василій Постниковъ.